

Женщины-матери военного Сталинграда: практики спасения и сохранения детей

Мирные жители города, состоявшие преимущественно из женщин и детей, за время Сталинградской битвы пережили массированные бомбовые удары (в результате которых большая часть города оказалась полностью разрушенной), кровопролитные уличные бои и последующее изгнание из оккупированных фашистами районов города и пребывания в концлагерях и на принудительных работах в Германии. Тяжелые испытания выпали и на долю тех, кому удалось эвакуироваться из Сталинграда.

Во всех этих сложных, экстремальных условиях оставшимся без помощи официальных властей и мужчин женщинам приходилось самостоятельно решать проблемы защиты и сохранения своих детей. Анализ собранных материалов позволяет говорить о широком спектре применяемых женщинами практик спасения и сохранения детей, включающих создание бомбоубежищ, добычу воды и пропитания (в том числе практики мародерства и воровства), маскировки и введения врага в заблуждение (навязывание на детей повязок со словом «тиф», переодевания, сокрытие истинного возраста и пола детей) и пр.

Собранные нами материалы показывают также, что в первые дни после 23 августа 1941 г. (начало массированных бомбардировок города) преобладали индивидуальные практики самосохранения и спасения детей, но со временем стали превалировать коллективные формы выживания и преодоления военного насилия, в том числе направленные и на сохранение и спасение детей. Эти практики опирались на имеющийся опыт преодоления экстремальных и кризисных ситуаций, который веками формировался в русской народной среде и хорошо изучен этнологами и культурными антропологами на примере дореволюционной России. Традиционно свойственный русским коллективизм и в годы войны, и в послевоенное десятилетие испытывал второе рождение, показав многие свои преимущества перед индивидуализмом и стратегиями личного выживания. Возвращение к традиционным способам выживания в годы войны находило выражение в возрождении архаичных форм жизнеобеспечения и производства, в усилении принципов общинности, взаимопомощи; в таких стратегиях поведения, как альтруизм и nepoтизм; во всплеске религиозности. Все эти практики широко использовались женщинами-матерями для спасения своих детей. К числу наиболее распространенных могут быть отнесены:

1. Различные формы общежития, когда под одной (уцелевшей после бомбежек) крышей объединялись несколько семей родственников, соседей или даже случайно встретившихся людей:

«... познакомились с жильцами дома на краю поселка. Это были такие же горемыки, как и мы, перебравшиеся сюда из другого района города. Они предложили нам поселиться вместе. Теперь в двухкомнатном домишке стали жить десять человек. Несмотря на тяжелые испытания, мы жили, как одна семья»[4];

«Все мы большой семьей держались вокруг дедушки и бабушки»[5];

«Чтобы не потеряться во время войны, к нам поселилась семья моей тетки»[6].

Иногда такие практики ограничивались объединением детей из разных семей под присмотром одной женщины; совместными кормежками детей:

«А мама и еще двое женщин, тоже с двумя детьми, и одна тетя Паша, у нее трое было детей. Они нашли кусок развалины от старой школы на Советской улице.... И вот так эти женщины организовались, жили такой коммуной... Кто оставался дома, тому детей своих оставляли»[7].

2. Практики передачи детей на время или отдачи навсегда в другие семьи:

«И вот мама опасалась за мое здоровье. Ведь то в окопах, то пешком, то под дождем, а тут питания нет. Женщина одинокая с ребенком, которая напротив в доме жила, попросила маму, чтобы я пожила у нее, а заодно и за ребеночком ее присмотрела. Ну, и мама отдала меня туда сначала»[8];

«Все радовались, а я плакала. Жители села меня успокаивали и привели каких-то людей, которые, не раздумывая, взяли меня к себе. У них своих детей не было. У них было хорошо»[9];

«Через нашу станцию «Бекетовка» шли эшелоны с детьми из Ленинграда. Наша мама бегала к проходящим поездам в надежде взять кого-то из детей для спасения»[10].

3. И женщины-матери и их старшие дети, после того, как мирных жителей фашисты выгнали из города, нанимались в работники, или выполняли временную наемную работу, ходили по домам, прося милостыню:

«Есть совсем стало нечего. Дошло до того, что однажды мама нас отправила милостыню просить по селу. Брат бойкий у нас был. Он никогда не стеснялся, часто ходил, а больше так – зайдет к кому-нибудь и спросит, может, кому дровишек нужно поколоть или ещё что-нибудь сделать. Вот он сделает дело, и ему сунут что-нибудь. Пшеницу, хлебушек, тыквы приносил»[11];

«Для вспашки приусадебного участка хозяин дома заставил маму и тетю Олю впрячься в плуг, сам управлял плугом, а у мамы и Оли текла кровь из носа. Выживание было тяжелым»[12].

4. Вспоминали женщины в условиях бомбежек и боев и нередко позабытые молитвы, обучали им детей. Возрождение религиозности в период Великой Отечественной войны фиксировалась и среди мирного населения, и на фронте. Американская исследовательница Ненси Рис считает, что для русских в период чрезвычайных ситуаций характерно обращение к жанру жалоб, адресованных людям. По ее мнению, эта традиционная тактика русских в трудные времена выработалась как замена прежней молитвы-литании[13]. Однако, материалы времен Великой Отечественной войны показывают, что в эпоху настоящих катастроф возрождается молитва в истинном ее смысле, значении и адресации. Иррациональность происходящего включала глубинные механизмы памяти; и это, конечно, не американский подход к ситуации: *«Когда шел бой, мы все становились на колени – так нам мама велела»[14]; «У всех детей была написана молитва «Живые помощи»[15].*

5. Экстремальными даже для системы традиционных практик выживания стоит признать случаи, когда женщины предпочитали смерть одного ребенка для спасения других:

«А еще мама говорила, когда началась бомбежка и все в блиндаж спрятались, спустились в блиндаж, а сестренка осталась на улице. Представляешь? И тетушка кинулась туда за ней, а мать ее обратно тащит: «Пусть лучше ее убьет, чем вас двоих»[16];

«Потом мама пошла, куда не знаю, они пришли двое, посмотрели. Один говорит: «Ей нужно обязательно ампутировать руку». Отрезать руку, я

как это услышала... «А то она умрет». А мама говорит: «Пусть она лучше умрет, а то у меня их четверо, и девка будет без руки». Ну, может быть, она это от простоты сказала, безграмотный была человек, но очень добрый»[17].

Нередкими были случаи, когда женщины предпочитали единовременную гибель свою и детей практикам спасения кого-либо из членов семьи (сознательно рассаживались в бомбоубежищах «голова к голове, чтобы погибнуть всем сразу»; женщина-мать повела за собой всех детей, когда немцы заставили ее уносить с дороги мину и пр.).

О героизме и жертвенности своих матерей вспоминали почти все наши респонденты, рассказывая многочисленные случаи, когда женщины в условиях войны оберегали и спасали своих детей исключительно женскими способами: после депортации мирных жителей возвращались в разрушенный город, где шли непрекращающиеся бои, для того чтобы добыть закопанные теплые вещи и вернуться обратно к детям; падали с криком на мешок с мукой или детское одеяло, чтобы помешать вооруженным вражеским солдатам их отобрать, выкармливали детей помоями с помощью газетного рожка и пр. Во всех, применяемых женщинами практиках спасения детей, не было насилия, но за ними стояла нестигаемая сила материнского чувства. Вместе с тем, наряду с этим чувством, имеющим как природные, так и социальные истоки, на поведенческие стереотипы женщин-матерей в экстремальных условиях войны оказывали влияние и четко выраженные культурные установки.